

Культ героев и самокритика

Примечания к Баварской советской республике

Мюзам Эрих

1929

Каждый, кто стал свидетелем исторических событий, внёс в них свой вклад, повлиял на их ход, должен выдерживать критику и, если начинание, за которое он отвечает, провалилось, должен принять роль того, кто должен защищаться. К сожалению, этот самоочевидный факт в наши дни игнорируется, как и многие другие моральные обязательства, которые в прошлом никогда не подвергались сомнению. Проигравшие в революционной борьбе последнего десятилетия стоят на груде развалин своих надежд, усилий и дел как победители и считают, что единственное, что имеет значение, — это нацарапать собственное имя самыми изящными росчерками на железных скрижалях славного бессмертия. Для этого на соратника, который, будь то в отдельности или в целом, придерживался иных мнений, проводил в жизнь резолюции, инициировал действия, возлагается вина за каждую неудачу, а собственное отношение не только оправдывается, но и отражается в самовосхваляющейся непогрешимости.

Человек не спрашивает: где была решающая ошибка, где был грех против идеи, где использованная тактика оказалась губительной? Он спрашивает: как мне устроить так, чтобы моё поведение и поведение моей паствы было во всем безупречным, чтобы соседняя группа была покрыта позором и подвергнута презрению в будущем? Таким образом, вместо истины, которая является духовной силой, появляются фальсификация и оскорбление, которые оказывают парализующее и разрушительное воздействие на любую способность принимать решения.

От тех, кто не знает, чем объяснить своё участие в провальной кампании, кроме как искать славы для себя и греться в лучах славы, которую они выправливали, уже нельзя ожидать героизма в будущих событиях; они расратили то, что у них есть, и довольны собой. Задача тех, кто служит идее, а не славе своего имени или своей партии, — беспристрастная правда, которая одна только и служит будущему.

Как бы ни хотелось выжившим обелить свою роль или роль своей организации в подавленном революционном восстании, чувство благоговения перед мёртвыми революционерами не должно заставлять их лгать или фальсифицировать. Поклонение героям несовместимо с подтасовкой исторических фактов. Очень глупо думать, что память того, кто пал в величии за свою идею, будет осквернена, если критически

оценивать его волю и действия по отношению к результату его работы. Мёртвый революционер принадлежит революции, за которую он умер, так же как и жил для неё. Его заслуги — на которые он имеет право — следует чтить и отмечать, чтобы они служили примером для тех, кто призван завершить его дело; но его ошибки — на которые он также имеет право — следует признавать и критиковать, чтобы будущее научилось избегать того, что было вредно в прошлом. Увенчивая образы наших мучеников, мы признаем чистоту их воли и присягаем на верность их духу; но мы не присягаем на верность их ошибкам.

То, как некоторые революционеры превращают своих мертвцевов в не подлежащие критике авторитеты, — это не дань уважения покойным, а надругательство над их наследием. Идея, которой Маркс или Ленин отдали свои силы, не служит превращению их трудов в евангелие, чтобы использовать отдельные фразы из них как оправдание собственных действий или для принижения каждого действия соперника. Память Ленина, в частности, оскверняют не те, кто, признавая его революционную энергию, отрицает выдвинутые им доктрины и вытекающие из них политические меры, а те, кто из его утверждений и предписаний делает догмы и, выставляя напоказ его тела, расчленяет его дух и уничтожает друг друга обрывками чувств и честности.

Ужасная катастрофа, которой десять лет назад закончилась единственная предпринятая в Германии попытка использовать крах государственного строя, разразившийся во время самой аморальной в мировой истории войны, как в её развязывании, так и в её ходе, для освобождения пролетариата путём ниспровержения основ политического строя, — катастрофа Баварской советской республики — едва ли была представлена революционному сознанию иначе, чем с точки зрения догматизма, переверзывания вины на другие группы и некритического прославления мюнхенского партийного коммунистического лидера, убитого в условиях военного положения. Моя недавно опубликованная брошюра «От Эйснера до Левине» ни в коем случае не претендует на то, чтобы в сравнительном анализе установить ответственность за поражение рабочего класса. Однако я надеюсь, что она будет ценна как материал для объективно-критического труда, который когда-нибудь должен быть написан, поскольку события, о которых в ней рассказывается, являются без исключения доказанными фактами, а критические замечания, хотя и носят ярко выраженный личный характер, стараются судить без потворства мёртвым и живым друзьям, без позерского самодовольства и без несправедливости и злобы по отношению к товарищам, нападавшим на нашу тактику. В конце концов, это защита и отказ от ложных обвинений, цель которых с самого начала определялась партийными интересами. По этой причине моя работа не могла избежать основной полемической направленности, и ещё одно обстоятельство заставило меня пренебречь важной обязанностью анархиста — критиковать поведение анархистов, а значит, и своё собственное поведение с анархистской точки зрения. Памфлет Пауля Вернера «Баварская советская республика», послуживший причиной моему «личному отчёту», написанному почти через полтора года после событий, был задуман и стал действенным историческим документом о том, с какой точки зрения оценивали Баварскую революцию русские советские органы, признанные всеми нами в то время авторитетными критиками. Я хотел привлечь внимание к своему рассказу тех же деятелей, чьи суждения также были главной темой письма Вернера. Существовало молчаливое согласие предста-

вить Ленину решать, было ли в решающие дни с 4-го по 12-е апреля 1919-го года более революционно целесообразным поведение партийных коммунистов во главе с Левине или анархистов, то есть Ландауэра и меня. Вот почему в моем отчётом докладе вверху стоит пометка: «К сведению творцов Российской советской республики, вниманию товарища Ленина». В 1920-м году в мою тюремную камеру ещё не падала тень внутренней борьбы между революционерами в самой России, так что в то время для меня было вполне естественно признать Ленина представителем бурно утверждавшегося советского строя, о фальсификации которого в партийную диктатуру я также не имел никакого представления. Между прочим, Ленин — независимо от того, узнал ли он об этом из моих писем или из других сообщений — вовсе не был согласен с тактикой баварских коммунистов. Десятая годовщина со дня провозглашения Советской республики в Мюнхене, несомненно, оживит во всех революционных лагерях вопрос о субъективных и объективных причинах, вызвавших её крах. Если в партийно-коммунистических кругах повторяется глупость, с которой после выхода брошюры Вернера нас, анархистов, изображают растерянными эстетами, позволившими себе подталкивать социал-демократов и независимых, в то время как одни коммунисты воплощали всю мудрость, дальновидность и принципиальную твёрдость, то достаточно сослаться на факты, установленные в моем объяснении; они показывают, что ошибки были допущены со всех сторон и что непоследовательность действий в решающие дни, самое роковое из всего возможного, была полностью во вред коммунистам. Тем более нет необходимости отвергать демагогическую уловку, противопоставляющую первый период Баварской советской республики вплоть до контрреволюционного путча Вербного воскресенья как «мнимую советскую республику» подлинной советской республике, которая якобы была создана, когда 13-го апреля коммунистическая партия взяла в свои руки исполнительную власть. В действительности тип государственного управления под руководством партии ничем принципиально не отличался от того, за который отвечали мы. Однако оба периода были одинаково далеки от советской республики в подлинном смысле этого слова, и если использовать слово «мнимая советская республика», то оно применимо как к её созданию 6-го апреля, так и к её продолжению 13-го апреля, а также к Венгерской советской республике, и только Советская Россия с октября 1917-го по апрель 1918-го года может претендовать на характер безупречной советской республики. Современная же Россия, препятствующая свободным выборам советов и ограничивающая их права, не сохранила даже мнимости, а только наименование «советская республика».

Поэтому оправдывать поведение анархистов в Баварии следует не против партийных коммунистов, а против тех возражений, которые могут выдвинуть сами товарищи-анархисты, подчёркивая наши общие вольные принципы. Заранее хочу прояснить одну вещь: в моих статьях есть выражения, которые могут иметь очень обескураживающий эффект. Мои собственные взгляды иногда с лёгкостью называют коммунистическими, иногда спартакистскими, иногда большевистскими. Хорошо бы не обижаться на слова, а всегда изучать вопрос. В революционный период эти термины стали смешиваться и размываться. Термин «коммунист» тогда не имел партийного значения, и я думаю, что и сейчас коммунист-анархист не перестаёт быть коммунистом от того, что марксистская партия присвоила себе это название. В 1919-м году слово «большевик», конечно, не имело организационно определённого значе-

ния; для нас оно просто обозначало нашу приверженность требованию «Вся власть Советам!», которое было основным большевистским требованием с Октябрьской революции 1917-го года и которое мы, анархисты, все исповедовали и продолжаем исповедовать. Сегодня, конечно, слово «большевик» снова бесспорно принадлежит тем, кто использует его как партийное обозначение; именно тем, кто больше не хочет ничего знать об объединяющей революционной формуле «Вся власть советам!» и вместо этого размахивает флагом «рабоче-крестьянского правительства» над пролетарским будущим. Наконец, что касается названия «спартакисты», то с ноября 1918-го года оно стало обобщающей характеристикой последовательного повстанческого движения в Германии. Первоначально так называли группу Либкнхта и независимых революционеров во время войны, которые создали очень вольную организацию Спартакистской лиги, но буржуазия и социал-демократы использовали этот термин для всего, что им не нравилось. Спартак пугал буржуазию и был, таким образом, почётным именем для революционера. Об этом следует помнить в связи с тем, что сегодня и анархисты, и партийные коммунисты пытаются перенести в прошлое определения терминов, которые приобрели отличительные черты лишь много позже. Во время революционного возбуждения люди говорят спартакист, большевик, коммунист, анархист, чтобы сказать революционер, и это хорошо, потому что революция объединяет.

С выражением «диктатура пролетариата» дула могут обстоять иначе. Это не просто слово, которому можно придать какое-то значение, здесь выражается нечто программное. В прежние годы, когда социал-демократы на мартовских и первомайских праздниках позволяли своему революционному порыву перетекать в приверженность диктатуре пролетариата, мы, анархисты, яростно сопротивлялись перспективе видеть в бюрократическом полку их партийных и профсоюзных секретарей неизбежного властителя над действиями всех. Ибо ничего другого перед лицом пропагандистов этого принципа диктатуры мы представить себе не могли. И сегодня мы не можем достаточно резко дистанцироваться от того, что законные наследники старой социал-демократии, партийные коммунисты, понимают под пролетарской диктатурой, к которой они стремятся как к революционной цели. Сталинское правление в России, которое отличается от фашизма своими социальными тенденциями, но не методами политической диктатуры, прямо превозносится сторонниками этой системы как диктатура пролетариата. Если бы Ландауэр, я или другие анархисты, участвовавшие в Баварской революции, провозгласили это или нечто подобное, одобрили бы это или даже просто позволили бы этому произойти без сопротивления, то обвинение в том, что мы попираем все принципы анархистской мысли, было бы вполне обоснованным. Нам и в голову не приходило понимать под диктатурой пролетариата власть правительства меньшинства. Мы использовали это слово и наполняли его тем содержанием, которое автоматически вытекает из требования «Вся власть советам!». Но мы не могли обойтись без этого слова, потому что революционные массы использовали его как формулу своего классового права, и мы были бы просто непонятны для них, если бы попытались отговорить их от этого.

Когда Ландауэр однажды на съезде советов выдвинул чёткие требования по обеспечению революционного пути, один социал-демократ крикнул ему: «Это чистая диктатура!», на что Ландауэр ответил: «Да, это диктатура революции!» Выражение

«диктатура пролетариата» всегда означало для нас не что иное, как насилиственную защиту революции от нападок, подавление побеждённого насилия, на которое вынужден идти пролетарский класс, если он не хочет отдать свою победу без боя. Впоследствии я использовал это слово в таком смысле, даже в статьях в «Фанале», и, к сожалению, это стоило мне ценных дружеских отношений. Но я заявляю, что нисколько не изменил своих взглядов на этот вопрос. Я и сегодня верю в необходимость революционных декретов, издаваемых советами пролетариата, чтобы отбить у буржуазии желание к контрреволюции. Я и сегодня верю в необходимость революционных комитетов, которые, как говорилось в воззвании Бакунина от 26-го сентября 1870-го года, подготовленном для Лионской коммуны, «осуществляют всю власть под непосредственным контролем народа». Мы, анархисты, хотели добиться такого положения вещей в 1919-м году, когда провозгласили советскую республику, «диктатуру советов», которую мы называли «диктатурой пролетариата» в соответствии с пролетарским словоупотреблением. К сожалению, события в России подтвердили правоту всех опасений, высказанных анархистами в прежние десятилетия во время социал-демократической агитации в пользу диктатуры пролетариата, и теперь, когда в сознании широких кругов революционно настроенного пролетариата этот термин снова приобрёл значение партийной диктатуры, под властью которой пролетариат должен бояться, ясно, что выражение «диктатура пролетариата» уже не охватывает того, что мы хотели им обозначить.

Однако формы, в которых происходило провозглашение советской республики, и тем более уступки, которые мы, анархисты, сделали революционным реалиям, наверняка будут впоследствии подвергнуты критике со стороны наших товарищ. В этом Ландауэр пошёл гораздо дальше, чем все мы, но, наверное, целесообразнее было бы задуматься о том, почему люди, втянутые в водоворот революции всей своей личностью, своими чувствами, мыслями и переживаниями, всегда ищут возможность действия и активности и ради действия и активности не гнушаются отбросить целый пучок мировоззренческих законов, которые верно хранили всю свою жизнь. Спросите товарищей анархистов в России, в Венгрии, они точно такие же перепрыгивали через анархические принципы, как мы и все революционеры всех направлений совершали скачки через свои доктрины, в той мере, в какой воля к действию была сильнее склонности стоять часовым перед идеальным требованием.

Наш старый друг Фриц Ортер, один из анархистов, переживших Баварскую советскую республику в качестве активного бойца, не рассердится, если я без спроса поделюсь несколькими фразами из его последнего письма ко мне. В заявлениях, которые, к лучшему или худшему, призваны прояснить собственное поведение перед лицом истории, нравится давать слово другому товарищу, который сам был там и теперь, спустя десять лет, чувствует необходимость освежить свою память в письме, не предназначенному для публики. Товарищ Фриц Ортер пользуется доверием и любовью всех анархистов в такой степени, что я счастлив предоставить ему слово там, где мне трудно его взять.

Он пишет:

«...Столько лжи было распространено о Баварской советской республике!
... Но не только он (Эйснер), но и Ландауэр, Толлер, да и все мы пошли

на уступки, то есть вынуждены были пойти на уступки, чтобы хоть в какой-то мере донести свои взгляды. Мы все заблуждались относительно психологии масс. Мы считали их способными мыслить и действовать по-социалистически. Я считаю, что народ, ещё не получивший образования и не избалованный социал-демократией, мог бы добиться лучших результатов. С точки зрения сегодняшнего дня, советская республика была попыткой нанести удар по неподходящему объекту. Тем не менее, в этом случае проявился беспримерный героизм. Поэта не упрекают в его экстазах, а радуются им. Советская республика была смелым взлётом, который, не найдя поддержки, должен был снова рухнуть, эпосом с трагическим концом, едва ли не более кровавым, чем немецкий национальный эпос: *Нибелунги!*

У нас в Фюрте тоже было четыре дня советской республики. Знакомые рабочие чуть ли не на улице бросались мне на шею. «Фриц, только подумай, у нас советская республика!» – «Ребят, – сказал я, – пока у нас есть только название, сначала нужно создать советскую республику». Из этого ничего не вышло, и на четвёртый день советские республиканцы были побеждены социал-демократами в рабочем совете. Таким образом, советская республика в Фюрте была похоронена с большим комфортом. Видите ли, то, что в Мюнхене превратилось в ужасную трагедию, в Фюрте превратилось в фарс.

Наш Ландауэр показался мне иным в ту пьянящую мюнхенскую эпоху, чем в прежние времена. С одной стороны, мне было приятно видеть, что он избавился от того чувства дистанции, которое оскорбляло многих честных бойцов и благонамеренных людей в предвоенные годы, но, с другой стороны, теперь он казался мне гораздо более склонным к уступкам, чем раньше. Он пошёл со мной дальше всех, когда вместе с Эйхенмюлером подготовил известную резолюцию, против которой проголосовали только одиннадцать человек, включая меня. На мой взгляд, Густав Ландауэр в то время слишком много смотрел на революцию с односторонней интеллектуальной точки зрения, и, так же как Эйснер, слишком много подчёркивал одностороннюю политическую позицию, в то время как в революции с социалистическим уклоном следовало бы прежде всего подчеркнуть экономическую сторону. Однако в этом отношении в Баварии и в Рейхе делалось чертовски мало. И именно поэтому все провалилось. Ты прав, десять лет назад было сделано много неправильного. Но я утешаюсь тем, что ошибались и люди покрупнее и получше меня... Движение 1919-го года было первым ударом. Но ни одно дерево не падает с первого удара, даже если оно прогнило насквозь. Великие жертвы, которые были принесены, не могут быть напрасными».

Нет, жертвы революции никогда не бывают напрасными. Кровь тех, кто погиб за будущее человечества, обязывает оставшихся в живых продолжить борьбу и довести её до победного конца. Но продолжать борьбу нужно не за счёт повторения их ошибок, а за счёт благовейного изучения того, где они были правы, а где ошибались.

Вопрос, поднятый падением Баварской советской республики, заключается не в том, что было делать Левине или Ландауэр? Он заключается в том, как достоинства и способности этих двух великих революционных борцов дополняют друг друга таким образом, что достоинства каждого из них нивелируют недостатки другого? Но важны не два выдающихся деятеля революции, а то, чтобы их дух, их кровь, их жизнь были признаны духом, кровью и жизнью всех тех, кто предан революции. Критиковать даже тех, кому пришлось пожертвовать жизнью за своё дело, — это долг перед будущей революцией. Но критиковать — это значит не просто собирать недостатки тех, кто думает иначе, и злорадствовать над ними, а сравнивать намерения и действия, работу и события и справедливо воздавать каждой стороне по заслугам.

Если мы придём к тому, что все революционные историки будут критиковать её именно так, то Баварская советская республика выполнит свою историческую задачу: наряду с Парижской коммуной, наряду с Венгерской советской республикой и крестьянскими советами Махно, она осветит тёмным огнём своего героического падения пролетарскую революцию будущего, в которой её вечные мысли о справедливости и свободе станут реальностью человеческого сообщества.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Мюзам Эрих
Культ героев и самокритика
Примечания к Баварской советской республике
1929

Скопировано 10.11.2024 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3353>
Перевод с немецкого. Оригинал: Fanal, №3. 1929.
<https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/erich-muehsam/8080-erich-muehsam-heroenkult-und-selbstkritik-anmerkungen-zur-bayrischen-raeterepublik>

ru.anarchistlibraries.net